

С. Н. Носов

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ВЗГЛЯДЫ А. М. СКАБИЧЕВСКОГО И ЕГО МЕСТО В РУССКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ

70—80-х гг. XIX в.

А. М. Скабичевский — демократический публицист, много лет сотрудничавший в «Отечественных записках» Н. А. Некрасова, пользовавшийся немалым влиянием на русское общество в 70—80-е гг., автор известного в свое время труда по истории русской литературы XVIII и XIX вв. Перу Скабичевского принадлежат очерки по истории русской цензуры, литературной критики и общественной мысли, статьи о Писареве, Добролюбове, Некрасове, Льве Толстом. И несмотря на то, что по установившейся традиции историки и литературоведы относят Скабичевского к деятелям второстепенным в истории русского демократического движения, на наш взгляд, необходимо более определенно обозначить его место в русской публицистике 70—80-х гг. XIX в., поскольку то небольшое количество работ, в той или иной степени освещающее мировоззрение и творчество Скабичевского, падает в основном только на дореволюционное время.¹ Из советских исследователей по интересующей нас теме и проблеме писали Б. П. Козьмин, А. М. Еголин, Л. Н. Житкова, В. Н. Коновалов.²

Попытаться определить черты и характер литературной судьбы Скабичевского, существо его общественной позиции как демократического публициста и литератора — одна из целей настоящего небольшого очерка, отнюдь не претендующего на общий анализ его публицистической деятельности.

Автор некролога на смерть Скабичевского, помещенного в 1911 г. в «Вестнике Европы», писал: «Сколько горечи в одном заглавии, которое дал критик своему последнему труду, воспоминаниям: „Первое 25-летие моих литературных мытарств“. Действительно, мытарства... При общем внимательном взгляде на жизнь Скабичевского, в ней поражает именно ее трудность».³

Хронологически деятельность Скабичевского падает на период народничества в русском общественном движении и поэтому его

взгляды не без оснований рассматриваются в тесной связи с воззрениями Н. К. Михайловского. И уже здесь изначально выявляется вся сложность социально-классовой характеристики идейной эволюции публициста, необходимость многопланового и в то же время конкретно-исторического подхода к его творчеству. Думаем, однако, что в новейшем труде о русской литературе 70—90-х гг. XIX в. известный советский литературовед В. И. Кулешов сумел найти правильный угол зрения на возникающую в данном случае исследовательскую проблему, не одного Скабичевского касающуюся. Так, В. И. Кулешов справедливо отмечал, что собственно народническое движение имело в себе еще две неравноценные стороны: народничество как теоретико-политическое учение, философия истории, теория «общинного социализма» и «народничество литературное». «Литературное народничество», по мнению ученого, «было связано с расширяющимся общедемократическим движением в стране, с объективным изучением социальной действительности».

Как совершенно обоснованно подчеркивает В. И. Кулешов, такое народничество «нередко „поставляло материал“, начисто опровергавший иллюзии и доктрины народнических учений, предлагало путь более правильным революционным учениям».⁵

Скабичевского мы также должны отнести именно к «народничеству литературному» и подчеркнуть, что его мировоззрение теоретически было очень противоречиво.

Для марксистской оценки «литературного народничества» в России особенно важно учитывать известное положение В. И. Ленина об «общедемократических элементах» в русском народничестве, его указание на необходимость умения «выделить из шелухи народнических утопий» «ценное демократическое ядро». «Социал-демократы десятки раз твердили, что они вовсе не выкидывают за борт все народничество с прямолинейностью одной неумной птицы, а выделяют из него и признают своими его революционные, его общедемократические элементы», — писал Ленин.⁶ Это ленинское указание имеет принципиальное значение не только для оценки теоретических воззрений народников, но и для характеристики «литературного народничества», его мировоззренческих идеалов, его места и значения, а следовательно, и влияния на русское общество второй половины XIX в. Подобный исторический подход чрезвычайно важен при оценке общественных взглядов Скабичевского, носивших на себе «живые следы» влияния шестидесятников и кризиса народнической идеологии 70—80-х гг. XIX в.

Сюжеты статей Скабичевского — преимущественно литературные, но для него как публициста характерно то, что в каждой такой статье есть отступления на философские и исторические темы, явный политический подтекст. Так, уже в одной из первых крупных работ Скабичевского — статье «Новое время и старые боги» (1868 г.), посвященной повести Тургенева «Дым», он набрасывает краткий очерк русской истории, — очерк своеобразный, прини-

мавший порой вызывающую окраску, в котором изначально скрывались зачатки общественно-политического скепсиса. Отмежевываясь от нигилизма шестидесятников по отношению к искусству, Скабичевский ратовал за сближение искусства и науки, сближение знания субъективно-чувственного и объективно-теоретического. И в этом он был (в контексте русской общественно-литературной мысли второй половины XIX в.) достаточно самостоятелен. Причем это сближение Скабичевский строил не на объективно-идеалистической основе, а исходя, в сущности, из материалистических исходных посылок — путем сближения ощущений и представлений, интуитивного мышления и логических умозаключений. Скабичевский стремился подчеркнуть физиологическую основу психологической деятельности человека, рельефно показать ее читателю. «Что такое поэтический талант?» — спрашивает Скабичевский в той же статье «Новое время и старые боги» и с известной прямолинейностью, свойственной своему публицистическому стилю, решительно утверждает: «Это есть сила, исходящая из того простого свойства нашей природы, что каждое воспринятое нами впечатление мы спешим отразить в соответствующих движениях, звуках, словах, целых речах и действиях»,⁷ т. е. его эстетические суждения были связаны с субъективно-социологической концепцией. Для него элемент субъективности в человеческих стремлениях и потребностях — решающий для отказа от однозначного ответа на вопрос о возможности победы общества подлинного равенства. Так, уже в 1869 г. в одной из сравнительно ранних работ («Теория Лассалья и ее понимание прусскими прогрессистами») Скабичевский писал: «Если кому приходится долгое время жить в маленьких, затхлых и душных каморках, тот мало-помалу теряет сознание о настоящих размерах своего жилья и его воздуха. . . Но стоит этому человеку побывать хоть несколько минут в каких-нибудь колоссальных, богато убранных залах с высокими сводами, под которыми воздух льется широкой струей, и вот, по возвращении домой, невольно обхватит его сознание, как низки, миниатюрны, бедны и жалки его каморки в сравнении с залами, из которых он только что вышел, как душен, затхл и смраден прокислый воздух в них».⁸ По Скабичевскому, человек может по-настоящему оценить свою жизнь, ее материальные условия и духовное содержание, лишь когда ему открыты возможности для сравнения, свободного выбора своей судьбы. В николаевской России с ее жесткими полицейскими порядками этих условий не было. Только наиболее привилегированный класс — относительно немногочисленная дворянская элита, как полагал Скабичевский, имела какую-то возможность более или менее объективно оценивать положение страны, имея доступ к западноевропейской литературе и средства для поездок по «свободной Европе», а также необходимый для подобных социально-политических сопоставлений уровень образования. Но, как пишет Скабичевский, русское дворянство вплоть до 60-х гг. XIX в. монопольно владело материальными привилегиями и было менее всего заинтересовано в глубоких социальных

преобразованиях. Отсюда, по Скабичевскому, проистекала слабость дворянской оппозиции самодержавию в первой половине XIX в., являвшейся в то время единственной реальной оппозиционной силой в стране.

И все-таки Скабичевский не часто проводил в своих статьях социологические аналогии, которые становились все более распространенными в эпоху 70-х гг. Скабичевский прежде всего — литературный критик. А как литератор-публицист он пытался следовать лучшим традициям русской критики, которая (в лице Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Писарева, Салтыкова-Щедрина и др.) умела добиваться органического слияния искусства и общественной мысли, слияния «интеллектуального и эмоционального методов мышления».⁹ Скабичевского отталкивала быстрая специализация в науке, замыкавшая мыслящую молодежь в тесных рамках специальных естественно-научных исследований и невольно ограничивавшая ее политический кругозор, превращая, казалось бы, научное мировоззрение в «коллекцию математических формул». С горечью Скабичевский писал в статье «Сорок лет русской критики»: «Мы до такой еще степени люди средневековые, для нас так еще непривычны сферы науки или философии, что стоит нам только углубиться в какую бы то ни было специальную область, хотя бы даже и естествознания, и мы тотчас готовы закупориться в этой области от всего мира».¹⁰ С едва скрываемой иронией Скабичевский отзывался о своих современниках: «Мы совершенно забываем, что как ни важен в области науки вопрос о лабиринтах уха, но часто какой-нибудь роман, даже не из первостепенных, может оказывать гораздо более непосредственное, сильное, влиятельное действие на настроение общества, на развитие его сознания и на ход его политической жизни, чем брошюрка о каких-нибудь инфузориях на рыбе, в своем роде очень может быть и почтенная».¹¹ Но такая позиция, естественно, едва ли могла завоевать популярность в кругах русских радикалов 70-х, когда, с одной стороны, еще не угасло обаяние статей Писарева с их пылкой пропагандой «практических знаний», а с другой — все более привлекала подчеркнутая строгость работ Лаврова. Знамением времени была в 70-х гг. для демократической интеллигенции уже не литература. И у Скабичевского, как любили отмечать его дореволюционные критики, в очередной раз «не хватило такта», чтобы сдержаться и не выступить «против течения времени».

Существенное различие во взглядах Скабичевского и большинства народнических или близких к народничеству деятелей семидесятых-восьмидесятых годов составлял подчеркнутый скептицизм критика, его очевидное сомнение в возможности быстрых общественных преобразований в России. И, хотя Скабичевский не говорит об этом прямо, из его работ, из его сомнений в готовности России к радикальным реформам вытекает сомнение и в самом народничестве как доктрине, применение которой в короткий срок превратит Россию в страну социальной справедливости.

ности, во всем «обошедшую» Западную Европу. Не случайно, что даже сам термин «русское общественное движение», по мнению Скабичевского, должен быть истолкован в более ограниченном смысле: «...нужно весьма осторожно обходиться со словами „общество“ и „общественное движение“. В нашей жизни очень часто в среде каких-нибудь двух, трех кружков, небольшой горсточки людей, совершается умственное движение, стоящее почти на уровне с движением передовых людей Европы в данное время. Бесспорно, что подобное движение оказывает немаловажное влияние и на весь грамотный люд нашего общества; но из этого вовсе не следует, чтобы само общество принимало непосредственное участие в этом движении, и чтобы в нем движение было в той же силе и с тем же кругом понятий, как и в цивилизующих кружках. Прогресс общества идет своим самостоятельным путем, сообразным степени развития большинства грамотных людей, и хотя в обществе совершается движение, иногда, может быть, весьма значительное, под влиянием движения передовых кружков, но оно бывает обыкновенно совершенно в ином роде и духе, чем в передовых кружках, ушедших от своих современников вперед на несколько столетий. На этом основании необходимо точно разграничивать движение отдельных, иногда очень незначительных по количеству кружков, от движения всей массы общества в то же время».¹²

Естественно, Скабичевский вынужден был выражать свои взгляды в завуалированной форме. В заграничной русской печати он, в отличие от Лаврова, участия не принимал и никогда не писал для подпольных народнических изданий подобно Михайловскому. Поэтому очень часто об общественно-политических проекциях взглядов Скабичевского приходится только догадываться. Например, Скабичевский критикует изолированную от общественных настроений заговорщическую деятельность вообще. Оценивая движение декабристов, Скабичевский пишет, в частности, об их эпохе: «Что же касается политического брожения, совершавшегося в высших кружках общества, то оно своею замкнутостью и таинственностью только распаляло воображение людей, непосвященных в это брожение, и в обществе ходили преувеличенные и дикие по своей крайней нелепости слухи о разных масонских и тайных обществах. Большинство общества на всякого живого человека, в котором мало-мальски была возбуждена мысль, смотрело как на человека беспокойного, опасного вольнодумца».¹³ Скабичевскому, но всей видимости, чужда идея «героев и толпы», тем больше распространявшаяся в народнических кругах, чем в большей степени они ощущали свою изолированность. С нашей точки зрения, это неверие в силы революционного меньшинства, в его способность и умение переустроить общество и вызвало отход Скабичевского от радикальной мысли в середине 80-х гг., в пору правительственных репрессий, следовавших за убийством Александра II. Исследователи творчества Скабичевского не раз подчеркивали его общественный пессимизм. Мы бы добавили, что среди демократов 70-х гг. он выделялся значительной долей

скептицизма и по отношению к своим собственным убеждениям, что так часто принимают в современной литературе за «либеральную умеренность».

Скабичевскому принадлежит и ряд обобщающих работ исторического плана. В работах «История русской цензуры», «Сорок лет русской критики» и ряде других Скабичевский фактически набрасывает историю русской общественной мысли XIX в., выдвигая свою интерпретацию эволюции общественных настроений и развития идей в России, оценивая предшествующие периоды русской истории чрезвычайно критически. Оценка Скабичевского умственного состояния русского общества конца XVIII в., ее литературы почти карикатурна, краски характеристик сгущены до гротеска. И делает это он, на наш взгляд, исключительно потому, чтобы подчеркнуть важную для него идею: цивилизованное общество в подлинном смысле этого слова невозможно без гражданских свобод и политических прав; его трудно представить, так сказать, мирно живущим под полицейским гнетом самодержавия.

Не менее сурово оценивает Скабичевский и первое тридцатилетие XIX в. в общественно-литературной жизни русского общества.

Большой интерес, с точки зрения истории общественной мысли, представляет оценка Скабичевским печально знаменитого «мрачного семилетия» конца николаевского царствования — 1849—1855 гг. «Когда в нашей литературе говорят о тех мрачных годах, которые последовали за 1848 годом, то характеризуют обыкновенно только одну сторону реакции, — писал Скабичевский, — описывают тот страх, какой обуял все общество и воцарил повсюду мертвое молчание, описывают, как люди говорили шепотом о вещах самого невинного свойства, вроде того, как будочник ограбил прохожего, как цензура дошла до такой строгости, что вымарала вольный дух из поваренной книги. . . Но при этом опускают совершенно другую сторону той же реакции — реакцию самого общества, происшедшую вследствие той причины, что по выбытии из строя людей передового движения мысли, общество, не успевшее еще догнать этих людей, осталось при идеях, давно уже разбитых и отвергнутых литературой сороковых годов».¹⁴ Это замечание Скабичевского, напоминающее об ответственности за период мракобесия не только правительства, но и самого русского общества, не сумевшего хотя бы мало-мальски защитить свою независимость на протяжении всех семи лет реакции, тем более интересно, что высказывания а таком смысле не так часты в литературе.

Но в чем же конкретно видел Скабичевский проявление реакции и общественного застоя в 50-е годы? «Снова ученые и профессора замкнулись в непроницаемые цехи, — пишет Скабичевский, — снова сухая, мелочная схоластическая разработка мелких фактиков сделалась единственным содержанием науки и снова всплыла наверх, казалось бы давно уже потопленная теория чистой науки».¹⁵ Со свойственным Скабичевскому стремлением к нагляд-

ности и живым примерам, он обращается далее к личным воспоминаниям: «Без ужаса мы не можем вспомнить об этом времени, когда почти вся учащаяся молодежь состояла из зубрил, не думавших ни о чем другом, как только о скорейшем окончании курса и о получении аттестата, и из студентов занимающихся, под которыми разумелись ученые-старцы. Это были несчастные аскеты, которые чуть ли не с пятнадцати лет, с шестого класса гимназии, прямо с Смарагдова и Зеленецкого, когда в голове их не успевало образоваться двух-трех связных мыслей, уже избирали какую-нибудь узенькую специальность, и бледные, изнеможенные, вечно сосредоточенные в себя, в свою глубокую ученость, просиживали дни и ночи над фолиантами, составляя словарь какой-нибудь летописи или сличая различные варианты какого-нибудь римского писателя. . . Общество, не додумавшееся до идей сороковых годов или забывшее их, в свою очередь, с благоговением смотрело на подобную ученость, и чем специальнее, уже, чем непонятнее для толпы являлось ученое исследование, тем более внушало оно уважения».¹⁶

Скабичевский распространяет господство мелочного и в общественном отношении безликого академизма в науке и литературе почти на все 50-е гг. Правда, по его мнению, в конце 50-х гг. этому «мелочному исследованию фактиков» уже противостоял влиятельный «Современник», возглавляемый Чернышевским, но широкого воздействия на общественное мнение со стороны сторонников «Современника» Скабичевский в это время еще не видит. Согласно его оценке, подлинное общественное возрождение произошло лишь в 60-е гг. Только тогда, утверждает критик, идеи 40-х гг. наконец восторжествовали. Но каковы же были в понимании Скабичевского эти идеи, проповедовавшиеся в 40-е гг.? По Скабичевскому, «сороковые года понимали не что иное, как то, чтобы каждый человек принадлежал самому себе, был свободен в своих мыслях, чувствах, выборе действий и самих действиях. . . Подобные идеи именно и шли вразрез со старой системой мышления и жизни. Эта система была несостоятельна не тем одним, что задавалась исключительно утилитарными целями подготовки обществу солдат, медиков, техников и пр. Сущность этой системы заключалась в том, что человек не принадлежал в ней самому себе, т. е. был неотъемлемой собственностью семьи, общины, государства и пр. За него думали одни, о нем заботились другие, ему предписывали, сколько иметь мыслей в голове и каких именно. . . При таком положении человек обращался в машину не только вследствие того, что делался узким специалистом, а и потому, что думал, чувствовал, действовал не по своей человеческой инициативе».¹⁷

Вообще, в мировоззрении Скабичевского, в котором, как мы уже подчеркивали, почти все его критики и до революции, и в немногих статьях позднейшего времени, отмечали «расплывчатость» и «эклектизм». Единственным по-настоящему связующим стержнем была идея раскрепощения личности и борьба за воплощение этой идеи в русской жизни. Теоретической цельности

историко-философским построениям Скабичевского действительно не хватало, но присущее ему как публицисту ясное понимание, что конечная цель любого общественного переустройства — личное счастье конкретного, неусредненного статистикой и общими теориями человека, — нет оснований отрицать или квалифицировать как расплывчатое.

И хотя за Скабичевским, точнее за характеристикой направления его творчества прочно закрепилось плехановское определение — «самодовольный, мелкобуржуазный демократизм», — мы не можем при этом забывать и другое утверждение самого Скабичевского, его гневное осуждение мещанства в литературе, когда он патетически, но без помпезной картинности писал: «Благо вам философы честной пошлости, философы трезвого принижения ниже травы, тише воды, философы дряблого малодушия, воображающие сохранить свое человеческое достоинство, отстранившись от всего, что делается вокруг вас, и укрывшись от жизни в раковину блаженного прекраснотушия! Вам только и живется на свете».¹⁸

* * *

Говоря о значении деятельности Скабичевского, нельзя не обратить внимания на ее глубокую связь с человеческой личностью публициста, оставившей явственный отпечаток на его произведениях и самом строе мысли.

Александр Михайлович Скабичевский родился в семье мелкого петербургского чиновника в 1838 г. Убогая атмосфера детских лет, проведенных на Петроградской стороне, — тогда бедном, почти сплошь застроенном деревянными домишками пригороде Петербурга, — с грустью отражена им в воспоминаниях.

«Это был своеобразный мирок отставных и заштатных чиновников, пьющих мертвую и каждый вечер приходящих в невменяемое состояние, убогих кумушек-салопниц, обивающих пороги господ благодетелей, собирающихся, распивающих с утра до вечера кофеи и рассуждающих при этом о близкой кончине мира... — вспоминал Скабичевский о Петроградской стороне эпохи его детства. — Весь этот убогий люд вел жизнь, не имевшую ничего общего со столичной. Так, в ведренные летние вечера все население высыпало на улицы и располагалось на завалинках у ворот, взрослые грызли семечки, судачили и сплетничали друг на друга; мальчишки играли в бабки и пускали змеи... По субботам можно было встретить по улицам чиновников в халатах и старушек, плетущихся из бани с багровыми лицами и венками подмышкой».¹⁹

Мальчик рос в окружении полного, хотя и наредкость беззлобно, с добродушным юмором и грустью вспоминавшегося им невежества. Последним штрихом духовной атмосферы детства Скабичевского был панический страх, безраздельно владевший всеми вокруг, — его родителями, родственниками, знакомыми, буквально

всеми, кого знал и встречал Скабичевский в детские годы — страх перед всемогущими, как тогда казалось, властями, которым «доступно все», которые все видят, все знают, на все способны и вместе с тем достойны всеобщей любви. Так, Скабичевский писал: «Вообще нужно заметить, что всюду в те времена царил панический страх перед какой-то неотвратимой бедой. Каждое появление на дворе „кварташки“ (квартального надзирателя. — С. Н.) с красным воротничком и в треуголке внушало чуть ли не смертный ужас. Чуть заходила речь о каких-либо общественных делах или высочайших особах, сейчас же начинали трусливо шептаться, причем дети отсылались в другие комнаты».²⁰

Интересно, что преувеличенные страхи сочетались, как, впрочем, бывает довольно часто, с квасным патриотизмом и не рассуждающей верой в царя, одно упоминание имени которого приводило в трепет. Эти настроения первое время передались и самому Скабичевскому, вспоминавшему: «Перед императором Николаем Павловичем я преклонялся и считал его величавым героем, который один мог спасти Россию и вынести ее на своих плечах... Понятно, что когда 16 февраля 1855 года дошла до меня весть о смерти Николая, я был убежден, что Россия погибла».²¹ Не способствовала интеллектуальному росту мальчика и тупая, палочная атмосфера николаевских гимназий, где ему пришлось получить образование.

Довольно робкий, не отличавшийся в детстве особой физической силой, Скабичевский был постоянной мишенью насмешек и издевательств сотоварищей по гимназии. К этому добавлялись еще и регулярные порки дома — за плохие отметки. Постепенно в подростковом возрасте росла замкнутость, болезненная застенчивость, умственные способности, казалось, начинали даже угасать. И лишь в последних классах гимназии, когда, наконец, прекратились родительские «нравоучения розгами», в сознании Скабичевского произошел решительный позитивный перелом. Его потянуло к чтению, литературе, творчеству. Блестящие сочинения Скабичевского были вскоре замечены учителями. В учебе стал заметен быстрый прогресс. Затем последовал историко-филологический факультет Петербургского университета, постепенное пробуждение политического самосознания, присоединение к демократическому движению.

Впрочем, и эти перемены произошли не сразу и не без внутренней борьбы. Первоначально Скабичевский — просто прилежный студент, лишь понаслышке знавший о тех колоссальных переменных, которые произошли в России в 1856—1858 гг., переменных, совпадавших по времени с его первыми годами обучения в университете. Однако постепенно Скабичевский сближается с Писаревым и Леонидом Майковым, вокруг которых образуется студенческий кружок, культивировавший «строгую науку» и принципиально не признававший вначале ни политический радикализм, ни новую литературу в лице «Современника» и его главных трибунов — Чернышевского и Добролюбова.

Внешне разделяя верования членов кружка, вдохновляемых тогда признанным его главой Л. Н. Майковым, Скабичевский переживал в эти годы сложный период болезненных идейных сомнений и борьбы с собой.

«Бушевавшая во мне буря лишала меня сна и аппетита. По целым часам бродил я по городу без цели, как сумасшедший, весь углубленный в себя, ничего вокруг не видя и не слыша. . .», — вспоминал Скабичевский, заключая: «Этот острый период борьбы. . . кончился полным скептицизмом во всех детских верованиях вплоть до отрицания бытия бога. Но борьба не кончилась этим, она вступила затем в более спокойную фазу, длившуюся годами».²²

Только закончив университет в 1861 г., Скабичевский окончательно порывает с идеалами кружка Майкова, отдаляется от студенческих друзей и горячо увлекается идеями Чернышевского и Добролюбова. Любопытно, что и Скабичевский, и его близкий университетский товарищ Писарев, тоже разошедшийся в это время с бывшими друзьями, начинали свою публицистическую деятельность в издававшемся в начале 60-х гг. неким Кремпиным журнале «Для девиц», «Рассвет», куда они оба попали как талантливые и «дешевые», в силу житейской неопытности и положения начинающих литераторов, сотрудники.

Вскоре Скабичевский начинает печататься и в более авторитетных журналах. Его статьи все чаще появляются в «Отечественных записках», завоевывая довольно широкую по тем временам популярность. Наконец, в 1868 г. Скабичевский становится постоянным сотрудником журнала, не оставляя его до самого закрытия в 1884 г.

Вообще, в судьбе Скабичевского 1868-й — год решительного перелома. Именно тогда критик по-настоящему обретает единомышленников, сочувствующую аудиторию и постоянный источник существования, которое, кстати говоря, до этого было почти всегда полуничейским. К концу 60-х гг. Скабичевский — уже значительно остепенившийся тридцатилетний человек устоявшихся демократических убеждений и немалого жизненного опыта. Процесс его духовного формирования и идейного развития в основном закончен и жизнь выходит на ясную, хоть и тернистую дорогу деятельности на поприще демократической публицистики. Вместе с тем личная жизнь Скабичевского с этих пор почти бессобытийна. К тому же сведения о ней очень скудны.

Женат Скабичевский был дважды, причем первый брак, по отзывам хорошо знавших его современников, не был счастливым. В частности, об этом пишет близкий друг последних лет жизни критика Б. Глинский в статье «Памяти Скабичевского», помещенной во втором номере «Исторического Вестника» за 1911 г.

Скабичевский и сам, по-видимому, ощущал бессобытийность последних двух десятилетий своей жизни, доводя свои воспоминания, за которые он принимался три раза, лишь до 1884 г. и посвящая последние главы этих воспоминаний, касающиеся 70—начала

80-х гг., почти исключительно характеристикам своих товарищей по редакции «Отечественных записок» — Некрасова, Салтыкова-Щедрина, Михайловского и других. Умер Скабичевский в ночь с 28-го на 29 декабря 1910 г.

* * *

В истории русской публицистики 70—80-х гг. XIX в. Скабичевскому принадлежит весьма своеобразная роль. Если публицистика Писарева, Михайловского и других блестящих деятелей русской мысли призвана была увлечь, «разбудить» читателя, повести его за собой, работы Скабичевского, часто проникнутые насмешливым скепсисом, скорее разочаровывали, чем увлекали, отнюдь не проповедуя нерассуждающую веру в светлое будущее. Как публицисту Скабичевскому более всего не хватало, пожалуй, дара убежденности и умения убеждать, без которого даже самые яркие идеи зачастую не приобретают силы воздействия, публицистической жизненности.

Скабичевскому не раз доводилось переживать в своей жизни идейные переломы, кризисы, периоды сомнений. Но хотелось бы подчеркнуть, что все-таки суверенной для Скабичевского идее свободной человеческой личности он остался верен на протяжении всего своего долгого и сложного жизненного пути. Так, в начале 70-х гг. Скабичевский, подразумевая и радикалов, и консерваторов, язвительно писал: «Понравится вам какое-нибудь учение, стоящее в уровне вашего мирозерцания, вы готовы навязывать это учение всем и каждому, стремиться всеми правдами и неправдами к господству его, топтать противника в грязь, не думая о том, что вы относитесь к ближним, как к лошадям, которых стараетесь направить в ту сторону, в какую вам угодно».²³ Со временем неприятие Скабичевским «нетерпимости» в идейной борьбе в России усилилось, в какой-то мере даже сковывая его деятельность и мысль. И постепенно общественная жизнь далеко ушла от одинокого и упрямого в своем скепсисе «реалиста».

Скабичевский был одним из тех русских писателей и мыслителей второй половины XIX в., которые всю жизнь оставались как бы на перепутье, растеряв свой незаурядный талант — и яркий, и оригинальный, и смелый — в бесконечных пессимистических сетованиях.

¹ См., например: *Волынский А.* Русские критики. СПб., 1896; *Глинский Б.* Среди литераторов и ученых. СПб., 1914; *Гольцев В.* О художниках и критиках. М., 1899.

² *Козьмин Б. П.* А. М. Скабичевский и его воспоминания. — В кн.: Скабичевский А. М. Литературные воспоминания. М., Л., 1928, с. 7—11; *Еголин А. М.* Народническая критика. — В кн.: История русской критики. М., 1958, т. 2, с. 310—376. *Коновалов В. И.* 1) Литературно-критические и эстетические взгляды А. М. Скабичевского. — В кн.: Русская литература 1870—1890 годов. Свердловск, 1975, с. 51—64, 2) Народническая литературная критика. Александр Михайлович

Скабичевский (1838—1911). Казань, 1975, с. 86—100. *Житкова Л. Н.* А. М. Скабичевский о природе художественного познания. — В кн.: Русская литература 1870—1890 годов. Свердловск, 1977, с. 73.

³ «Вестник Европы», 1911, № 2, с. 379.

⁴ *Кулешов В. И.* История русской литературы XIX века. 70—90-е годы. М., 1983, с. 11.

⁵ Там же.

⁶ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 336. См. также: т. 22, с. 120—121.

⁷ *Скабичевский А. М.* Сочинения: В 2-х т. СПб., 1903, т. 1, с. 2.

⁸ Там же, с. 110.

⁹ *Егоров Б. Ф.* О мастерстве литературной критики. Л., 1980, с. 8—9.

¹⁰ *Скабичевский А. М.* Соч., т. 1, с. 433.

¹¹ Там же.

¹² Там же, с. 305.

¹³ Там же, с. 306.

¹⁴ Там же, с. 500.

¹⁵ Там же, с. 503.

¹⁶ Там же, с. 505.

¹⁷ Там же, с. 509—510.

¹⁸ *Скабичевский А. М.* Соч., т. 2, с. 30.

¹⁹ *Скабичевский А. М.* Литературные воспоминания, с. 24—25.

²⁰ Там же, с. 38.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ *Скабичевский А. М.* Соч., т. 1, с. 479.